

«Сколько надо отваги, чтоб играть на века!»

Эти строки из стихотворения, которое Борис Пастернак посвятил Елене Николаевне Гоголевой, увидев ее в роли леди Макбет. 7 апреля великой актрисе исполнилось бы 94 года. Из них 75 лет прошли в служении Малому театру. Теперь, когда ее творчество все больше становится достоянием истории, облик великой актрисы, помимо нашей памяти, сохраняют многие поэзии и живописи.

«Художник, написавший лучший мой портрет», — представляла Георгия Шишкина сама Елена Николаевна. К сожалению, весть о ее смерти в ноябре прошлого года застала художника в Париже. Там он находится и сейчас. Не только не отданный долг прощания, но и благодарность судьбе за подаренные встречи, желание напомнить соотечественникам о великой современнице продиктовали ему эти воспоминания. В редакции «ВМ» их принесла жена художника Татьяна.

Написать драматический портрет — это желание возникло во мне давно. Неожиданно такая возможность представилась. Холодным осенним днем я, охваченный волнением перед встречей с великой актрисой, позвонил в парадное с потемневшей бронзовой табличкой на двери: «Елена Николаевна Гоголева».

Я очутился в гостиной, похожей на музей: по стенам — картины, рисунки, фотографии, старинные часы, в больших вазах — цветы... За круглым столом, накрытым тяжелой скатертью, в кресле — прекрасная и величественная Елена Николаевна. Внимательно смотрит, приглашает пройти и, делая шаг навстречу, крепко, энергично жмет мою руку.

— А как вы себе представляете мой портрет? — заинтересованно спрашивает она.

— Я думаю, это должен быть не домашний — «бытовой», и не официальный — «парадный» портрет, а театральный — обобщенный образ творческой личности, как бы содержащий в себе осуществленные роли, а по сути — жизни, прожитые на сцене.

— Прекрасно, — говорит Елена Николаевна воодушевленно. — Это может быть интересно, если удастся. Но ведь это очень трудно. А костюм?

Чтобы выбрать, мы поднялись на второй этаж. Пересмотрев несколько вариантов, я остановился на черном платье с пепельным орнаментом, широкими рукавами и шарфом, спадающим с плеча на правый рукав, как крыло птицы. В нем Гоголева читала поэму Лермонтова «Мцыри».

— И как же мы будем писать? Сидя? Или стоя? — и она, встав, оперлась о подзеркальный стол одной рукой, другую чуть касаясь ладьями подлокотника.

— Конечно, — еще не успевая осмыслить, говорю я, пораженный динамикой, сильным движением рук. Вся фигура актрисы приобрела совершенно другое — мощное и драматичное — значение. — Конечно, так!

В назначенное время я вновь появился в доме в Ворониковском переулке.

Первые полчаса Елена Николаевна позировала стоя, и я, широко прокладывая тона, полностью набросал композицию. Затем наступил самый ответственный момент — глаза, лицо!

Елена Николаевна опустилась в кресло, и я, концентрируясь, забыв обо всем на свете, стараюсь выйти

на уровень духа актрисы, поймать таинственное соответствие бликов, тонов, не упустить этого движения мысли ото лба к переносью, к глазам, полным тайны и знания жизни, полным печали, и от глаз, осветивших все, — дальше вниз, к решительной линии губ. Только не упустить этого света, скользящего по овалу лица, седым белоснежным волосам, понять — Боже, помоги! — понять эту тайну.

Пролетело сорок минут, Елена Николаевна медленно встает, подходит к мольберту. Я, еще полный борьбы и не совсем уверенный в результате, как бы пытаюсь оправдаться, говорю тихо: «Ну, это еще только начало, еще нужно много работать».

Она приближается к портрету вплотную, вся слегка подавшись вперед, строго, нахмурив брови и заострив взгляд, долго смотрит, не отрываясь. Затем, повернувшись ко мне, произносит значительно: «Впервые! Впервые я не имею никаких претензий к своему лицу на портрете». И, снова усаживаясь в кресло, добавляет: «Только не трогайте глаза, вы испортите. Только не трогайте глаза».

Законченный вскоре портрет с согласия Елены Николаевны был подарен мной Центральному Дому работников искусств.

Под впечатлением спектакля «Мамуре», где Гоголева сыграла прекрасную, полную жизнелюбия и оптимизма, и одновременно проникновенно — глубокую главную роль, я почувствовал желание написать совершенно другой, светлый, немного грустный образ, навеянный финальной сценой. Но тогда это осуществить не удалось: я заканчивал большую работу над интерьером музея Свердловского театра оперы и балета. А в январе 1985 года у Гоголевой случилась беда: в результате случайного падения — сложный перелом бедра.

Это было очередное серьезное испытание в ее жизни. Я знал, что после войны Елена Николаевна пережила гибель единственного сына. А еще раньше, в 1938 году, из-за туберкулеза совершенно потеряла голос. Уже ходила слухи о скорой смерти. Почти год вынуждена была молчать, и это ее спасло.

О случившемся я узнал, из письма Гоголевой ко мне «...Волнуюсь очень, ибо не уверена, что вернусь на сцену... Гимнастика, ходьба, готовлюсь быть человеком». Гоголева без театра себя не мыслила и вопреки прогнозам медиков вернулась на сцену.

Примерно через год мысль написать портрет Гоголевой на тему спектакля «Мамуре» нашла свое воплощение. Это была уже другая, новая, мысль. И «подсказана» она была Еленой Николаевной: утвердить победу жизни, собственную победу над недавней тяжелой болезнью, преодоленной невероятной силой духа.

В момент обсуждения замысла картины Елена Николаевна вдруг достала шляпку Мамуре: «А если так? Я иду в цирк!» — говорит она с озорством, надевая ее. Правильно, думаю я, наперекор ханжеским перусдам и честолюбивой спеси — туда, где молодость, искренность, мечта о счастье. Таков контекст спектакля.

— Отлично, попробую, — отзываюсь еще не очень уверенно, но решение, кажется, уже прорезается в сознании: окружить героиню персонажами спектакля, эмоционально контрастными ей.

И вот картон на мольберте. — Нам нужно сделать быстро этот портрет, — энергично говорит Елена Николаевна. — Я должна скоро вернуть платье Мамуре в костюмерную. Оно уже целый месяц ждет вас, а вы куда-то пропали.

Елена Николаевна «входит в образ».

Быстро, всей ладонью, прокладывая широкие тона, композиция вся уже в голове. Теперь главное — глаза, лицо. Ах, но глаза... почему такие грустные? Наверно, не могу сразу отказать от первой своей мысли, слишком глубоко она вошла в сознание. А может, это мое личное прорывается без спроса? Но Елена Николаевна помогает мне.

— Ну что же вы загрустили? — она высоко поднимает левую руку. Торжествующий жест слишком силен, чтобы использовать его в картине, но он помогает общему тону портрета.

— Сейчас, — говорю тихо, — еще немного...

Вот, кажется, вспыхнули глаза, и губы приоткрылись в полулыбке предчувствия... Задорная шляпка с кружевными цветами, в правой руке — раскрытый веер... С трудом перевожу дыхание — жжет, есть! Печаль ушла далеко вглубь, в глазах — озорной свет.

Георгий ШИШКИН.

Этот портрет Е. Н. Гоголевой будет экспонироваться на персональной выставке художника в здании ЮНЕСКО в Париже осенью. После столицы Франции Георгий Шишкин надеется показать свои работы в Москве.